

Полонизмы в русских «историях жизни» (на примере произведений О. Форш «Сумасшедший корабль» и В. Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни»)

Аннотация:

В данной статье анализируются полонизмы, используемые О. Форш и В. Войновичем в их романах: «Сумасшедший корабль» (О. Форш) и «Автопортрет. История моей жизни» (В. Войнович). Писатели вводят полонизмы с целью маркировать польское происхождение персонажей. Полонизмы относятся к разным частям речи и функционируют в различных морфологических формах, как в повествовании, так и в прямой речи. В этих романах имеется большое число гибридных польско-русских фраз. Среди введенных польских существительных различаются собственные имена и аппелятивы.

Ключевые слова:

польский язык, полонизм, часть речи, морфологическая форма, собственное имя существительное, аппелятив.

Natalya E. ANANYEVA
(Moscow)

Polonisms in russian histories of life (the novel «The Crazy Ship» by O. Forsh and the novel «Autoportrait. The history of my life» by V. Voynovich)

Abstract:

In this article are analyzed Polonisms used by O. Forsh and V. Voynovich in their novels: «The crazy ship» (O. Forsh) and «Autoportrait. The history of my life» (V. Voynovich). The writers introduce Polonisms for the purpose of showing ethnic traits of characters Polish by birth. Polonisms belong to the different parts of speech and function in different morphological forms both in narrative and in direct speech. There are a lot of hybrid Polish-Russian phrases in these novels. Among introduced Polish nouns proper and common ones are distinguished.

Keywords:

Polish, Polonism, part of speech, morphological form, proper noun, common noun.

Указанные в заглавии статьи произведения принадлежат к разным жанрам повествований о минувшем, отразившем «память сердца и рассудка». Роман Владимира Войновича — это разновидность литературы non-fiction (мемуары, представляющие собой «воспоминания и припоминания» о своей жизни, которые изложены в форме повествования от первого лица). В «последнем романе Серебряного века» Ольги Форш реализуется *креативная* функция памяти, воссоздающей подчас в фантазмагорической форме (проявившейся хотя бы в истории сестер-полек, содержащих кафе «Варшавянка», внезапно исчезнувших из Петрограда и вдруг появившихся в образе римских проституток, или в истории учительницы польской школы комсомолки Ядвиги, ее загадочной гибели и удивительной похожести на одну из «панн» из кафе) реальную историю обитателей петроградского Дома искусств в 20-е гг. XX в. Этот «сумасшедший корабль» плывет по «волнам» житейского «моря» не менее безумной действительности, представляя собой своеобразный (российский) вариант Касталии.

О соотношении памяти и понятий «воспоминание и припоминание» и «воображение» пишет в своем трактате о концепте память Н.Г. Брагина¹. В поэтической форме на стремление продлить, запечатлеть то, что было когда-то настоящим, «остановить прекрасное мгновение» указывает Гюисманс в «Парижских арабесках»: «Так, в причудливом на первый взгляд подобии *соприкасаются места и вещи самые различные. И там, где мы есть, пробуждаются в нас наслаждения уголков, где нас нет* [здесь и далее курсив в цитатах мой. — Н.А.]. Двоятся чувства, сплетаются успехи. Выдыхается, увядает краткая радость, рожденная *настоящим*, и мы *сгибаем, претворяем, длим ее в иной форме*, сквозь эту призму воспринимаем *реальнее, нежнее*»².

Главы романа О. Форш неслучайно именуются «волнами» (как накатывающиеся друг на друга волны воспоминаний, волны происходящих событий). В этих девяти «волнах» романа наряду с реальными литераторами с зашифрованными, как впоследствии у В.П. Катаева в «Алмазном моем венце», именами (*Сохатый* — Замятин, *Гаэтан* — Блок, *Инопланетный Гастролёр* — Белый, *Еруслан* — Горький, *Кричалец* — Скиталец, *Жуканец* — Шкловский, *Копильский* — Михаил Слонимский) действуют польские персонажи (вымышленные ли? действительные ли?). Кроме придуманных псевдонимов реальный писатель или поэт угадывается по его портретной характеристике

или конкретным указанием. Так, мы узнаем Н. Гумилева по следующему описанию: «один поэт, с лицом египетского письмоводителя и с узкими глазами нильского крокодила, шепелявя, сказал»³. О свите Еруслана говорится, что ее составляли «максимовки» (образование от антропонима Максим, входящего в состав псевдонима писателя), противостоящие «антоновкам» (поклонницам А.П. Чехова).

Польские персонажи — это уже упомянутые «звонкозубые» и «ясноглазые» две «панн», содержащие кафе «Варшавянка», в котором они поили посетителей «кофеом по-варшавски» и «упрямо выпекали и в голодные годы сдобные варшавские баумкухены и непостижимо тающие во рту пирожки»⁴. Это трагически погибшая учительница-комсомолка *Ядвига Киеншевска*, которую влюбленный в *Ванду* Сохатый принимает за ее сестру, а также кастелянша «девятка» панна *Генриетта*, «душой и телом приверженная ксендзу и костелу»⁵. Для ксендза (еще одного польского персонажа) отсутствует какая-либо речевая характеристика с польскими «вкраплениями». В польской школе, куда знающий польский язык Сохатый поступил учителем-бытовиком, развернулась борьба между приверженцами старой (католической) веры (школа «переименована была в советскую из католического полумонастыря»⁶), олицетворением которой были панна Генриетта и ксендз, и новой, представленной молодыми польками-учительницами, «недавними комсомолками», которые «с каждым днем соблазняли в новую веру сильнее, чем удерживала в вере старой Генриетта»⁷. Длительнее всего из старых «навыков» сохраняется в школе «обычай ходить в баню в рубашках, потому что ксендз утверждал, что плоть до того греховна и проклята, что бес вселяется немедленно в каждого, кто ее созерцает»⁸. Борьба между «красными» (комсомолками, пионерами с «красным бантом») и «голубыми» (приверженцами Генриетты и ксендза, «детьми Марии» с «тайным бантом голубым из отличных заграничных ленточек»⁹) разгорелась как раз во время поступления Сохатого в польскую школу. Решающим в поражении ксендза и Генриетты «оказались так называемые мочевики»¹⁰, которые подвергались при старом порядке изощренному издевательствам («обернутые по приказу панны Генриетты в разужоренную самообслуживанием простыню, должны были, как рыцари неизвестного ордена, стоять по обе стороны лестницы, по которой шествовал в школу ксендз»¹¹), а теперь «их даже никто не срамил, а считались они просто больными»¹². В речи указанных польских персонажей и знающего польский язык Сохатого пред-

ставлены польские языковые элементы. Полонизмы фиксируются и в наррации, и в косвенно-прямой речи (когда повествователь передает слова полоноязычного действующего лица). При этом часто о принадлежности полонизма польскому персонажу сигнализирует заключение его в кавычки: «Панна Генриетта изобрела необыкновенную награду за „добры учинек” — поколыхать или переодеть большую куклу младенца — пана Езуса, спрятанного в глубоком тайнике былого холодильника»¹³.

Примеры гибридных польско-русских фраз из речи Ядвиги: «*Пан есть дурак! [...] Товажииш, певне, обманут сходством...*»¹⁴; «*Чи я вас угрызу?*»¹⁵ (с обычной модификацией по образцу русского языка окончания 1 л. ед. ч. презенса — -у вместо -ę в польском глаголе *ugryźć* «укусить»). Косвенно-прямая речь кастелянши Генриетты характеризуется употреблением полонизмов, относящихся к религиозной сфере: «От нее [Генриетты. — *Н.А.*] узнавали девочки, что коммунистам лгать не грех, а „добры учинек”, что ладанку от *матки бозки ченстоховской* ни за что снять нельзя, потому что будешь гореть в *пекле...*»¹⁶ (польск. *dobry uczynek* «хороший поступок», *Matka Boska Częstochowska* «Ченстоховская Богородица», *piekło* «ад»). Примеры полонизированных высказываний из речи сестер-полек: «*З чэм вам? З варэнем? З орэхем? [...] Певне, вам з макем?*»¹⁷; «Нам хотя б з *макем!*»¹⁸; «*Панна Ванда, проше пана, муси быть в Децком Селе и сегодня, и завтра. Езжайте. Ванда бенде задоволёна*»¹⁹ (вместо *задоволёна*). Когда Сохатый увидел Ядвигу, столь похожую на исчезнувшую панну Ванду, у него «екнуло сердце», и он мысленно повторяет вопросы, задаваемые посетителям кафе Вандой (и, как ему кажется, готовой произнести их ее двойником Ядвигой: «Ну, з чэм вам? З варэнем? З орэхем?») И в ответ он «бессмысленно и восхищенно» шепчет про себя: «*З макем! Ох, з макем...*»²⁰

Про себя Сохатый именуется столь похожую на Ванду Ядвигу «*товажиишкой*» («Сохатый пошел к своей польской школе. Пусть сейчас удастся *товажиишку Ядвигу* увидеть наедине»²¹). При виде карточки, выпавшей из-за корсажа погибшей Ядвиги, он восклицает: «*Панна Ванда!*»²²

В наррации постоянно употребляются по отношению к польским персонажам лексемы *пан*, *панна*, *панны* (ср. описание двух карточек, найденных у тела сброшенной из чердачного окна неизвестным Ядвигой: «на одной — в военной форме усатый *пан*, на другой — две голов-

ки с звонкозубой улыбкой — панна Ванда и ее сестра»²³). Постоянно употребляется и некорректная форма род. п. мн. ч. для лексемы *панна* — *панн* (польск. *panien*): «эмигрантское поведение *панн*»²⁴; «Один офицер через плечо спросил что-то у *панн*»²⁵; «влюбленный в одну из *панн* — панну Ванду — педагог-бытовик Сохатый»²⁶. В наррации же по отношению к панне Генриетте употреблено определение *девотка* (польск. *dewotka* «ханжа»).

Что касается частеречной репрезентации полонизмов, то большую их часть составляют существительные: номинации лиц — *пан*, *панна*, *девотка*, старый полонизм *ксендз*, *матка* (в качестве компонента сакральной номинации *матка боска ченстоховска*), *товажиши*, *товажишка*; субстантивы, связанные с религией — *пекло*, *литания*, старый полонизм *костел*; название субстантивированного действия — *учинек* «дело»; название еды — *баумкухен* (польск. *baumkuch* — германизм, которому соответствует польск. *sękacz*). Отмечаются также прилагательные (*добры*, род. ед. ж. р. *бозки* — польск. *boskiej*, род. ед. ж. р. *ченстоховской* — польск. *częstochowskiej*), наречие *невне* — польск. *rewnie* «наверное, наверняка». Глаголы (*муси* — польск. *musi* «должен», здесь «должно быть»), *угрызу* — польск. *ugryzę* «укушу»), *проше* — польск. *proszę* «я прошу» в значении «пожалуйста», *есть* — польск. *jest*: «Пан *есть* дурак?»), вопросительная частица *чи* (польск. *czy*), предлог *з* («З макем?»). Ономастическое пространство представлено антропонимами *Ядвига Куеншевска*, *Ванда*, *Генриетта*, сакральным именем *Езус*. Астионим *Варшава* употребляется в первичном значении («Она была беглянка из *Варшавы*»²⁷), а также служит производящей основой для образования номинации жительницы Варшавы, употребленной во вторичной функции урбанонима — названия кафе («наискось Сумасшедшего корабля было кафе „*Варшавянка*”»²⁸; «Следствие, впрочем, уже установило, что никакой связи в загадочной смерти Ядвиги с исчезновением тех панн из кафе „*Варшавянка*” быть не могло»²⁹). Астионимом *Варшава* мотивировано также оттопонимическое наречие *по-варшавски* («две панны стали поить кофеем *по-варшавски* нэпманов, укрывавших до времени свое состояние»³⁰). В романе употребляются также феминативная форма этнонима (*польки*) и производное от названия страны и этнонима прилагательное *польский*. Между прочим, польские лексемы у О. Форш появляются и в произведениях, не связанных с польской тематикой и польскими персонажами. Ср. в историческом романе «Одеты кам-

нем»: «...воробей — по-польски ведь *Врубель*»³¹, — говорит Сергей Русанин, от лица которого ведется повествование.

Полонизмы в «Автопортрете» В. Войновича представлены в той части произведения, где автор рассказывает о своем романе с полькой *Элькой Гембой* во время прохождения им военной службы «в *Шпротаве* и *Бжеге* на *Одере* в *Польше*» и приезде сюда через 40 лет (в беседе с тезкой Гембы *Элькой Гембой*). Памятуя о большой склонности писателя Войновича к юмору и иронии, не исключаем, что в приведении этих столь похожих антропонимов проявляется авторская выдумка, тем более что роман с *Элькой Гембой* описан в юмористическом ключе. На юмористический лад настраивает и этимологизация фамилии *Гембка* — *Гемба* (польск. *gęba* — «морда, рожа, пасть, рыло»). Элька Гемба учила автора польскому языку. Ее характеризует назойливо повторяемая фраза: «*Я ти кохам*» (я тебя люблю)³², *я ти дам. Але не тераз* (но не сейчас). *Але дам*³³. По всей видимости, Элька в недостаточной степени научила автора польскому языку, поскольку в неоднократно повторяемой ею фразе Войнович ошибочно употребляет форму дат. п. ед. ч. *ти* вместо формы вин. п. ед. ч. *сіę* (т.е. в транслитерации *те*): *Я ти кохам* (так же: *я ти прошу*). Ср. то же: «Мальчик, *я ти кохам*»³⁴. Другие примеры высказываний Эльки в диалоге с автором: «Не, так *не бенде* (не будет) [...] *Я ти дам. Але не тераз. Але не тутай* (не здесь)». Ср. продолжение диалога с автором: «— Когда? Где? — спросил я сердито. — *Ютро* (завтра) — сказала она просто. *Ютро вечером. Пиидеешь до мене, Школьна. Четрнаштя* (четырнадцать)» [...] Я на тебе женюсь — вдруг пообещал я. [...] *Глупый, глупый* — сказала Элька [далее следует меткое замечание Войновича об утрате *л* в *глупый*, о чем мы скажем ниже — Н. А.] [...] *Глупый, то ти не вольно* (тебе нельзя). — Можно, — сказал я с вызовом не слышащим меня высшим силам... — *то ти не вольно*, — повторила она. — *Ти ниц* (ничего) *не вольно, але я ти дам ютро вечером, Школьна, четрнаштя. Запамѣнтал* (запомнил)? *Школьна, четрнаштя...*»³⁵. И последний диалог Эльки с русским солдатом: «Мальчик, *втекай* (беги!) — прошептала Элька. [...] — Мальчик, *я ти прошу, втекай и запамѣнтай: Школьна, четрнаштя...*»³⁶. Кроме некорректной генерализации формы дат. п. местоимения *ти* (польск. *ci*), употребляемой не только в функции дат., но и вин. п. (вместо *сіę* — *те*), представлены также следующие ошибочные формы: 2 л. ед. ч. прошедшего времени *запамѣнтал* (с *ѣ* вместо *е* и без показателя 2 л. ед. ч. - *eś* — польск. *zapamiętałeś*) и *четрнаштя*

(с *-я* вместо *-е*: польск. *czternaście*). Возможно, что отсутствие личного окончания во 2 л. ед. ч. претерита, как и обычное для русских художественных текстов с полонизмами употребление в 1 л. ед. ч. презенса флексии *-у* (которой соответствует польск. *-ę*), являются сознательно используемыми автором средствами облегчения восприятия полонизма русскоязычным читателем. В императиве *втекай* буква *в* передает польск. *и* (*uciekaj!*). Совпадающая с русской лексема «глупый» (или фонетический вариант «гупый» — о нем ниже), тем не менее, относится к полонизмам, поскольку употребляется здесь в значении отсутствующих в польском языке лексем «дурак, дурачок».

Мягкие *ć, dź* Войнович не старается передать, как некоторые писатели, посредством *дз* или *ц* (ср. у В. Богомолова: *дзень, молодзи* и др.³⁷), а обозначает их русскими этимологическими соответствиями *т'* и *д'* (ср. *ти* — польск. *ci, czternaścia*). *Ś* передается шипящим *ш* (*чтернаштя*).

Польские языковые элементы характеризуют речь еще одного польского персонажа: тезки Эльки, с которой (в поисках своей подруги) автор встречается через 40 лет после службы в Польше: «*так, так, естем Элька; Але она юж не жие* (но ее уже нет в живых)»³⁸.

В польской стяженной форме приводится годоним (в речи Эльки Гембы) *Школьна*. Кроме того, в функции названия улицы употребляется (в речи Эльки Гембки) также прецедентное имя *Костюшко* («но потом переехала на *Костюшко*»³⁹). Прецедентный гидроним *Неман* представлен в качестве результата трансонимизации (перехода из одного класса онимов в другой). В романе «Неман» — это название марки сигарет (хрематоним): «Наше знакомство произошло благодаря папиросам „Неман“, которые я получал по пачке в день»⁴⁰.

При общении с Элькой Гембкой автор употребляет лексему *пани*, маркирующую польское происхождение собеседницы («не было ли у *пани* когда-нибудь русского друга», «не жила ли *пани* когда-нибудь на улице Школьной, в доме 14»). Та же лексема используется и в значении ‘женщина-полька’ (по отношению к той же Гембке): «*Пани* покачала головой»⁴¹.

Локальный колорит, помимо диалогов с Элькой Гембой и Элькой Гембкой, призвано также создать «вкрапление» слова *обыватель* в значении ‘гражданин’ в авторское повествование: «Тут же нашлись и были указаны дома, которые раньше служили казармами, а теперь заселены *обывателями* (*obuyaczel* (!) — по-польски гражданин)»⁴².

Польское соответствие напечатано латиницей с двумя ошибками: *v* вместо *w* и *cz* вместо *t* — польск. *obywatel*.

Из романа жизни Войновича мы узнаем, что он и сам (а вернее его родственники) имели некоторое отношение к польскому языку. Так, его бабушка со стороны мамы знала четыре языка, среди которых был *польский*. Описывая ситуацию с дядей, работавшим в 1930–40-е гг. фото-корреспондентом в Запорожье, Войнович упоминает о царившей тогда атмосфере шпиономании, боязни «всех в мире шпионов и особенно польских»⁴³, к которым причислили и дядю Костю Шкляревского. Перечисляя «грехи», в которых повинился дядя, Войнович употребляет полонизм из области политической жизни 1930–40-х гг.: словосочетание «*польская дефензива*» (ср. наличие слова «дефензива» в таких произведениях, как «Рожденные бурей» Н.А. Островского, «Старая крепость» В. Беляева, в которых значительное место занимает борьба с «пилсудчиками», белополяками — польск. *defensywa* ‘политическая полиция в Польше межвоенного двадцатилетия’). Ср. Константин Шкляревский «признался, что фотографировал плотину ДнепроГЭС не только для газеты „Червоне Запоріжжя”, где он работал фотокорреспондентом, но и по заданию *польской дефензивы*»⁴⁴.

И, наконец, в III части произведения «Взлет и падение» Войнович упоминает о попытке польских писателей отказаться от методов соцреализма и заменить его реализмом «*без пишметника*» (без прилагательного). В данном случае было бы уместно (в отличие от *запамён-тал* с некорректным *ё*) употребление этой буквы (польск. *przymiotnik*, *bez przymiotnika*).

Таким образом, лексический состав полонизмов, употребленных В. Войновичем в качестве речевых маркеров польских персонажей, весьма разнообразен: глаголы, номинирующие чувства (*кохам* «люблю») и половой акт (вторичное значение глагола дать — *дам*), глаголы движения (*ниидеши* «прийдешь», *втекай* — польск. *uciekaj* «беги, убегай»), глагол умственной деятельности (*запаментай* — «запомни»), экзистенциальные глаголы *быть* и *жить* (*естем* Элька «Я Элька», *бенде* «будет», она... не *жие* «она умерла, ее нет, букв. она не живет»), наречия места и времени (*ту* и *тутай* «здесь», *ютро* «завтра», *вечорем* «вечером», *тераз* «сейчас», *юж* «уже»), отрицательная частица *не* (*не тераз*, *не тутай*), утвердительная частица *так* «да», союз *але* «но», форма личного местоимения *ты* (*ти* «тебе» и некорректно «тебя»: Я *ти* прошу), числительное 14 (*чтернаштя* — польск.

czternaście), отрицательное местоимение *nicz* «ничто, ничего», указательное местоимение *to* (*to* ти не вольно), модальные слова запрета (*nie wольно* «нельзя»), предлог *do* в значении ‘к (о)’ (пшидешь *do* мне).

В авторской наррации, кроме лексемы *пани*, как выполняющей функцию обращения к польскому персонажу женского пола, так и в значении ‘женщина поляка’, представлены субстантивы, относящиеся к социально-политической лексике (*обыватель, дефензива*) и даже к грамматической сфере (*пшиметник*). Однако употребленное как субститут прилагательного «социалистический» слово «пшиметник» приобретает в данном контексте социально-политическую коннотацию.

Наибольшее разнообразие морфологических форм отмечено для глаголов: 1 л. ед. ч. наст-буд. времени (*кохам*), 2 л. ед. ч. наст-буд. времени (*пшидешь*), 3 л. ед. ч. наст-буд. времени (*не бенде, не жие*), 2 л. ед. ч. прошедшего времени (некорректное *запамётал*), 2 л. ед. ч. императива (*втекай*). Частотна также полифункциональная у Войновича местоименная форма *ти* (правильная в дат. п. и некорректная в вин. п.). Ономастическое пространство романа также содержит польские компоненты: антропонимы (*Элька Гемба, Элька Гембка*), годонимы (*Школьна* — с польским стяжением, *Костюшко*), хремотонимы («*Неман*» как название марки папирос).

В обоих проанализированных романах есть замечания об особенностях польского языка. У Войновича упоминается об утрате *л* в *глупый* («*Глупый*, то ти не вольно» — говорит Элька Гемба). Замечание Войновича о качестве польского «*л*» касается его билабиального характера, способствующего утрате *ł* в ряде диалектов в позиции после консонанта (ср. диал. *sup* ‘*ślup*’ «столб», *dug* ‘*i*’ ‘*długi*’ «длинный, долгий», записанные нами в польском говоре д. Вершина Боханского района Иркутской области, жители которой говорят на силезко-малопольском наречии). Кстати, район Бжега и Шпротавы на Одере, где служил В. Войнович, тоже относится к Силезии. Итак, писатель отмечает, что «По-польски “л” почти не слышится, и слово [глупый. — Н. А.] звучит как „*зупый*”»⁴⁵. У О. Форш упоминаются «близкие сердцу» знающего польский язык Сохатого «все польские юсы [по всей видимости, имеются в виду носовые гласные. — Н. А.], *свистящие* и *шипящие*»⁴⁶.

В обоих романах, и в романе *о времени 1920-х гг.* и действующих в это время героях, и в романе *о себе в разные времена* («автопортрет» на фоне времени), полонизмы как средство национальной маркиро-

ванности персонажей, а у Войновича также в качестве характеризующих место действия позволяют усилить достоверность воскрешаемых памятью, и, возможно, отчасти и воображаемых событий и образов. На возможность деформации картины прошлого памятью («постпамятью», т.е. новой памятью) вследствие наложения на нее событий настоящего указывает в своем «романсе» о памяти М. Степанова: «территория памяти населена проекциями, фантазиями, искажениями: фантомами нашего сегодня, обращенными вспять»⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007.
- ² Гюисманс Ж.К. Собрание сочинений в трех томах. Том I. М., 2010. С. 135.
- ³ Фори О. Сумасшедший корабль. Последний роман Серебряного века. М., 2012. С. 205.
- ⁴ Там же. С. 33.
- ⁵ Там же. С. 137.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 138.
- ⁸ Там же. С. 139.
- ⁹ Там же. С. 140.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 138.
- ¹⁴ Там же. С. 142.
- ¹⁵ Там же. С. 141.
- ¹⁶ Там же. С. 137.
- ¹⁷ Там же. С. 34.
- ¹⁸ Там же. С. 40.
- ¹⁹ Там же. С. 80.
- ²⁰ Там же. С. 141.
- ²¹ Там же. С. 144.
- ²² Там же. С. 159.
- ²³ Там же. С. 145.
- ²⁴ Там же. С. 94.
- ²⁵ Там же. С. 39.
- ²⁶ Там же. С. 40.
- ²⁷ Там же. С. 141.
- ²⁸ Там же. С. 33.

- ²⁹ Там же. С. 160.
- ³⁰ Там же. С. 33.
- ³¹ *Фори О.* Исторические романы. М., 1957. С. 724.
- ³² В круглые скобки Войнович заключает свой русский перевод польских фраз.
- ³³ *Войнович В.* Автопортрет. Роман моей жизни. М., 2010. С. 195.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Подробнее см.: *Ананьева Н.Е.* Полонизмы в военной прозе Владимира Богомолова // Славяне и Центральная Европа: языки, история, культура. М., 2015. С. 321–335.
- ³⁸ *Войнович В.* Автопортрет. С. 197.
- ³⁹ Там же. С. 197.
- ⁴⁰ Там же. С. 195.
- ⁴¹ Там же. С. 197.
- ⁴² Там же. С. 195
- ⁴³ Там же. С. 36
- ⁴⁴ Там же. С. 36.
- ⁴⁵ Там же С. 195.
- ⁴⁶ *Фори О.* Сумасшедший корабль. С. 140.
- ⁴⁷ *Степанова М.* Памяти памяти. Романс. М., 2018. С. 72.